

Философская концепция «конца истории» в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»

Борис Пастернак называл роман «Доктор Живаго» вершиной своего творчества и главным делом всей жизни. Изначально писатель предполагал закончить книгу менее чем за год, но работа растянулась на десятилетие (ноябрь 1945 г. – январь 1956 гг.). В эти годы автор не раз повторял, что написание романа – его внутренний долг и выражение взгляда на «искусство, Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое». Пастернак не сразу выбрал заглавие для романа: известно, что он размышлял над 14 возможными вариантами названия книги.

Одним из самых «загадочных» из них представляется «Опыт русского Фауста». И поэтика этого возможного заглавия может быть раскрыта путем историко-философского осмысления фаустовской культуры и идеи «конца истории». Пастернак воспринимал фигуру Фауста не только как персонаж бессмертной трагедии Гете, но и как символ «заката культуры», олицетворение идеи познания и преобразования мира, который трагичен в своей глубине.

Фигура Фауста как символа западноевропейской культуры и выразителя души эпохи, клонящейся к закату, рассмотрена в труде Освальда Шпенглера «Закат Европы», вышедшем в 1918 г. В России он был издан в 1923 г. в переводе А.А. Франковского. Годом ранее в Москве вышел сборник статей «Освальд Шпенглер и Закат Европы» при участии Н.А. Бердяева, Я.М. Букшпана, Ф.А. Степуна и С.Л. Франка. Николай Бердяев в статье «Предсмертные мысли Фауста» осмысляет концепцию «конца цивилизации» с точки зрения русской религиозной мысли. Александр Блок, не знакомый с трудом Шпенглера, высказал в статье 1919 г. «Крушение гуманизма» сходные идеи, волновавшие умы мыслящих людей того времени.

Философская концепция «конца истории» в «Докторе Живаго» еще не затрагивалась в отдельных исследованиях, что обосновывает актуальность выбранной темы. Параллели между «Закатом Европы» Шпенглера и «Крушением гуманизма» Блока затрагивались Магомедовой. Общей рефлексии этого труда

Шпенглера в литературе модернизма посвящена статья Степановой. Восприятие Бердяевым нашедшей книги «Закат Европы» охарактеризовано Тарутиной. К преломлению идей русской религиозной философии (Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева и П.А. Флоренского) в творчестве Пастернака обращалась Солдаткина.

Пастернак, несомненно, был знаком с перечисленными работами Шпенглера, Бердяева и Блока, которые обсуждались в интеллигентских кругах. Стоит отдельно сказать о том, что писатель в юности серьезно занимался философией. Вершиной его увлечения стала поездка в Марбург в 1912 г., где он учился в семинаре неокантианца Германа Когена. Уже в зрелые годы, в «Докторе Живаго» Пастернак стремился понять смысл современности сквозь призму истории всей человеческой культуры, решить вопрос о культурном наследии и попытаться предсказать будущую судьбу советского государства.

Пастернак ни в коем случае не следует за Шпенглером, а как самостоятельный философ создает свой вариант осмысления идеи «культуры на закате», задавая в романе те же вопросы, о которых размышлял немецкий философ. Согласно концепции Шпенглера, фаустовская культура длилась почти тысячу лет и в начале 20 века вступила в завершающую стадию своего развития и клонится к закату, вырождаясь в цивилизацию. С пониманием цивилизации как «неизбежной судьбы культуры» означающей смерть и окостенение, Шпенглер соотносит идею «заката Европы», хронологически обозначая «закатный период» началом XX века.

Для Шпенглера Фауст – выразитель души западноевропейского человека, но Пастернак не случайно именуется «русским», смещая акцент на фаустовскую душу. Об этой душе писал Бердяев: «Фауст не выносит времени исторической судьбы, он не хочет до конца ее изживать. <...> Но смерти нет... фаустовская душа признала единственной жизнью. И бремя этой судьбы должно быть перенесено в даль вечности». Здесь стоит вспомнить другой известный отвергнутый вариант названия романа «Доктор Живаго» - по авторскому замыслу он мог называться «Смерти не будет». Это строчка из Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса).

Пастернака в «Докторе Живаго» волнуют те же вопросы, которые поднимали в своих работах мыслители XX в., главным из них стал: «Что есть история и судьба

культуры?». Историческая концепция писателя выражена в размышлениях Николая Веденяпина, дяди Юрия Живаго, который размышляет о жизни человека в истории и о преодолении смерти. В основе философии Веденяпина лежат мысли самого Пастернака. Автор не скрывал, что такого философского течения по-настоящему тогда не было и он просто передоверил свои мысли герою. Расстриженный по собственному прошению священник Веденяпин задается вопросом: «А что такое история?». И отвечает на него: «Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению». По его мысли, человек живет не в природе, а в истории. История возникла только с появлением христианства, ее не было у древних. История «в нынешнем понимании... основана Христом,... Евангелие есть ее обоснование <...> века и поколения только после Христа вздохнули свободно. Только после него началась жизнь в потомстве...».

Борис Пастернак как глубоко верующим человеком и постигал историю через православие. Здесь стоит пристальнее взглянуть на то, как концепция Шпенглера расходится с некоторыми идеями русской религиозной мысли, близкими Пастернаку. Бердяев отметил, что немецкий мыслитель «не созерцает христианства в истории, не видит религиозного смысла. <...> Религиозного смысла в культуре он не постигает».

Концепция «конца истории» в «Докторе Живаго» особенно ярко выражена в 15 главе с символическим названием «Окончание». Действие в ней приходится на 1920-е гг. - время конца целой исторической эпохи. Юрий Живаго возвращается в Москву в начале нэпа и доживает свои последние годы «в течение которых он все больше сдавал и опускался, теряя докторские познания и навыки и утрачивая писательские». В романном повествовании сменяющиеся картины всеобщего одичания России после революции говорят об упадке истинной культуры. Автор, раз за разом увеличивает акцент на вырождении культуры, на ее переходе в состояние первобытности. В главе посредством используемой лексики создается ощущение «конца истории». Приведем примеры: «состояние угнетения и упадка», «исхудал оброс и одичал», «оба дичились людей», «половина пройденных им селений были пусты», «страшные, одичалые, лохматые дворняги».

Идея «заката цивилизации» в заключительных частях книги изображается через образ культуры, ушедшей в катакомбы, имеющий важное значение на рубеже веков. К примеру, в 1905 г. В.Я. Брюсов в стихотворении «Грядущие гунны» обращался к творцам:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светлы,
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

Этот образ приводится Блоком в статье «Крушение гуманизма»: «В наше катастрофическое время всякое культурное начинание приходится мыслить как катакомбу, в которой первые христиане спасали свое духовное наследие. Разница в том, что под землю ничего уже не спрячешь; путь спасения духовных наследий – иной; их надо не прятать, а, явить миру; и явить так, чтобы мир признал их неприкосновенность, чтобы сама жизнь защитила их». В близком значении образ катакомбы представлен в статье Бердяева «Предсмертные мысли Фауста»: «Новое средневековье будет цивилизованным варварством, варварством среди машин, а не среди лесов и полей. Великие и священные традиции культуры войдут внутрь. Истинной духовной культуре может быть придется пережить катакомбный период».

Примечательно, что в «Лейтенанте Шмидте» Пастернака (1926–1927 гг.) напрямую высказана схожая мысль:

И вечно делается шаг
От римских цирков к римской церкви,
И мы живем по той же мерке,
Мы, люди катакомб и шахт.

В «Докторе Живаго» писатель возвращается к образу катакомб, превращая символический образ в буквальный. При возвращении доктора вместе с Васей Брыкиным в Москву в 1922 г., мальчик рассказывает историю своей беспризорной жизни. И здесь у Пастернака катакомба представляется подземной пещерой: «При расправе с деревней и пожаре, когда Вася скрывался в подземной пещере из-под вынутого камня...». Автор доводит фигуральные символические выражения до их

реального жизненного воплощения, которые свидетельствуют об общем упадке и одичании.

Интересна идея Освальда Шпенглера о том, что Фауст мог предстать героем современного городского романа. В «Закате Европы» автор пишет: «В поэзии Запада фаустовский человек выступает сначала как Парцифаль и Тристан, далее, преображенный в духе эпохи, как Гамлет, как Дон-Кихот, как Дон-Жуан, в последнем сообразном времени преображении как Фауст и Вертер и наконец как герой современного городского романа, но при этом всегда в атмосфере и обусловленности определенного столетия». У Пастернака Москва начала 1920-х гг. видится «большим современным городом, единственным вдохновителем воистину современного нового искусства». В нем «постоянно, день и ночь шумящая за стеною улица... тесно связана современной душой <...>. Беспрестанно и без умолку шевелящийся и рокочущий за дверьми и окнами город есть необозримо огромное вступление к жизни каждого из нас», – размышляет Юрий Живаго. У Шпенглера культура мирового города порождает «искусство упадка», Пастернак говорит не о вырождении, а о новом художественном направлении – символизме. Современный город дает новый способ видения мира, и, как следствие «беспорядочное перечисление вещей и понятий с виду несовместимых и поставленных рядом как бы произвольно, у символистов, Блока, Верхарна и Уитмена, совсем не стилистическая прихоть. Это новый строй впечатлений, подмеченный в жизни и списанный с природы». И Юрий Живаго в стихотворении «Гамлет» смог передать этот новый способ видения мира.

В заключение отметим, что концепция «конца истории» позволяет осмыслить заключительные прозаические главы «Доктора Живаго» в русле философских размышлений первой четверти 20 в. И поэтика варианта заглавия «Опыт русского Фауста» познается через рассмотрение «Заката Европы» Шпенглера и диалога русских мыслителей с этой книгой. Это была первая попытка раскрытия идеи гетевского «Фауста» применительно к ходу мировой истории. В дальнейшем Пастернак в «Докторе Живаго» соединил художественной и философское видение мира.